Просветленные не берут кредитов

Автор:
Олег Гор

Просветленные не берут кредитов

Олег Н. Гор

Просветление без правил

Можно ли медитировать во сне? Существует ли таинственный зверь йесин? Зачем разрушать колесо Сансары? В чем опасность чрезмерной духовности? Чем питаются «голодные духи» и для чего их кормить? Автор книги, бизнесмен Олег Гор, нашел ответы на эти вопросы во время двухмесячного странствия по Таиланду, в которое отправился вместе со своим строгим учителем, «неправильным монахом» братом Поном – без документов, денег, планов и в полном молчании. В пути он продолжил осваивать новые медитативные практики, которые помогли ему сохранить присутствие духа в самых опасных и непростых ситуациях, делать духовные открытия и познавать самого себя – и, конечно, мир вокруг. Книга содержит подробные описания техник, учащих контролировать ум, тело и эмоции, и проживать свободную жизнь – без долгов и иллюзий.

Олег Гор

Просветленные не берут кредитов

© Гор О. Н., текст, 2017

© Гаркуша Н., иллюстрации, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пара слов от автора для начала

В крошечный храм, спрятанный в джунглях северного Таиланда, я впервые попал за год до описанных ниже событий. Приехал я тогда за помощью, одолеваемый проблемами разного толка, что обрушились подобно цунами, но нашел совсем не то, что искал.

Познакомился с «неправильным монахом» братом Поном и неожиданно для себя стал его учеником.

Несколько месяцев провел в полной изоляции от мира, без доступа даже к сотовой связи, не говоря об Интернете. И за этот краткий отрезок времени узнал о себе и жизни больше, чем за предыдущие десять лет, пережил ряд необычных, иногда пугающих ситуаций, столкнулся с вещами, которые не объяснить с рациональной точки зрения.

И в конечном итоге решил свои проблемы, хотя и не так, как ожидал.

Наша встреча с братом Поном описана в книге «Просветленные не ходят на работу».

Глава 1

Гора каменных слонов

Таксист, узколицый и носатый хозяин раскрашенного в яркие цвета тук-тука, смотрел на меня, вытаращив черные глаза.

– Куда-куда, мистер? – спросил он повторно, надеясь, что, может быть, ослышался.

Разговор наш длился минут десять и напоминал диалог двух глухих.

– Ват Тхам Пу, – в какой уже раз повторил я. – Едем? Не едем?

Если хочешь, чтобы таец тебя понял, используй английский попроще, фразы покороче. Ну а если хочешь понять взявшегося за тот же язык тайца… молись Будде. – Точно, мистер?

В ответ на этот вопрос я скрежетнул зубами и огляделся.

Автостанция города Нонгкхай, столицы одноименной провинции, выглядела так же, как и прошлой весной, во время моего последнего визита. Квадратная площадь, окруженная магазинчиками, кафе и офисами транспортных компаний, громадный прямоугольный навес и ряды сидений под ним, выстроившиеся шеренгой двухэтажные автобусы. И шустрые таксисты, что бросаются на потенциального пассажира, словно хищные птицы на незадачливого цыпленка.

– Точно! – ответил я, снова уставившись на собеседника.

Тук-тукер отступил на шаг, смерил меня взглядом, размышляя, не сбежал ли данный конкретный фаранг из сумасшедшего дома и не пора ли звать полицию, чтобы его связали, пока не начал кусаться.

– Пятьсот бат, – сказал он после паузы, решив, что немного денег можно срубить и на психе.

– Окей, – отозвался я, удивив собеседника повторно.

Вскоре мы бодро катили прочь на драндулете, что напоминал садовую лавочку на трех колесах разного размера. Я крепко держался за поручень, сердце мое пело в предвкушении, а губы помимо желания растягивались в улыбке.

Да, этой зимой я приехал в Нонгкхай совсем в ином настроении, чем двенадцать месяцев назад…

Тогда за спиной лежала превратившаяся в руины жизнь, впереди маячила полная неопределенность. Сейчас же я оставлял позади более-менее упорядоченную реальность, а предвкушал встречу с братом Поном и новый цикл обучения в лесном храме, медитации, беседы и чудеса.

Этот год промелькнул для меня как один час – суматошный, но приятный.

Я снова начал зарабатывать деньги, пусть не так много, как ранее, но зато более приятным способом. Старые деловые партнеры так и остались в прошлом, зато появились другие, и честно сказать, куда более интересные как люди.

Именно новый проект, в который я нырнул с головой, и не дал мне поехать к брату Пону осенью, как я хотел сначала…

Город закончился, справа мелькнул Меконг, и мы свернули на узкий, грязный проселок. Тук-тук закачался на ухабах и яминах, точно лодка на волнах, потянулся лес, становившийся все более и более густым.

– Ват Тхам Пу, – объявил таксист, затормозив так резко, что я едва не улетел с сиденья.

И махнул в ту сторону, где в чащу уходила еле заметная тропка.

– Ты уверен? – спросил я, нахмурившись.

Насколько помнил, раньше меня привозили в другое место…

– Уверен, – отозвался таксист и требовательно протянул руку.

Пять фиолетовых бумажек с изображением тайского короля поменяли хозяина, после чего я слез с сиденья и забрал рюкзак. Тук-тук заложил крутую петлю и с рычанием унесся в обратном направлении, оставив смрад бензинового выхлопа.

С мыслью о том, что к вату может вести множество дорог и не все я запомнил, я зашагал по тропинке.

Выбрался на берег Меконга, высокий и довольно обрывистый, и сердце радостно застучало: вон над деревьями поднимается треугольная крыша крохотного монастыря, бывшего мне домом год назад.

Ускорил шаг, но тут же заставил себя идти медленнее.

Зря что ли брат Пон учил меня помимо остального еще и сдержанности?

Тропка повернула, я вслед за ней, открылся ват целиком, и я едва не споткнулся на ровном месте! Узкий навес на столбах, под которым висели колокола, покосился, вокруг главного святилища поднялась высокая трава, такая густая, словно тут никто не ходил много месяцев.

Что здесь произошло?

На этот раз я перешел на бег и даже не подумал удерживать себя.

Хижина, где я жил, оказалась на месте, как и другие, но все они выглядели обветшавшими, заброшенными, крыша навеса, что служил нам и столовой, и лекционным залом, и комнатой для медитаций, обвисла.

– Брат Пон! – позвал я, уже понимая, что кричу зря.

Ответом мне стали насмешливые вопли макак, что резвились в кронах, и от этого звука мне сделалось нехорошо. Разочарование накрыло меня точно черная волна, захотелось сжать кулаки и завопить от обиды, как некогда в детстве, в песочнице посреди нашего двора…

Неужели здесь никого нет и я приехал зря?

На то, чтобы немного успокоиться, мне понадобилось несколько часов.

Разочарование отступило, но осталась душевная боль, не желавшая уходить, несмотря на все усилия. Скинув рюкзак около моей бывшей хижины, я по очереди заглянул в остальные и обнаружил в общем-то то, что и ожидал, – отсутствие вещей, разорение и запустение.

Неправильный монах и двое его послушников ушли отсюда, покинули Тхам Пу.

Но почему? И когда?

Неужели сразу после того, как я вернулся в Паттайю в конце прошлого сухого сезона? Да, тогда я не хотел оставлять ват, уезжал с тяжелым сердцем, пообещал наставнику, что появлюсь через шесть месяцев, но кто мог знать, как пойдут дела.

Будда в храме встретил гостя обычной мягкой улыбкой – грубо высеченное из камня изваяние не изменилось, но вот цветочные гирлянды у него на шее выглядели увядшими, а из чаши с песком торчали огрызки давно прогоревших ароматических палочек.

От мостков на берегу ничего не осталось, будто их смыло половодьем, тот же пятачок в лесу, где я медитировал, я вообще не смог отыскать – все заросло так, что пейзаж изменился до неузнаваемости, и непролазные кусты вставали там, где я раньше проходил свободно.

Вернувшись к хижине, я сел наземь и задумался.

Брат Пон может здесь больше никогда не появиться, так что ждать его нет никакого смысла.

Делать нечего, надо возвращаться в Паттайю.

Сам не знаю как, но я умудрился до сих пор никому не рассказать, где именно пробыл те три месяца и чем занимался. Тогда меня потеряли и родственники из России, и друзья в Таиланде, кое-кто даже подумывал обратиться в полицию королевства, чтобы меня начали искать.

Приехав обратно живым, здоровым и похудевшим, я многих обрадовал, а кого-то наверняка и огорчил.

А затем проявил неимоверную стойкость, отбиваясь от расспросов.

«Был послушником в буддийском монастыре. Это все», – произнес я, наверное, не одну сотню раз, пока не угомонились даже самые любопытные из друзей и родичей. Желающих узнать подробности набралось не меньше батальона, но ни один из них ничего не добился.

Нет, брат Пон не брал с меня обещания молчать, просто я сам понимал, что скрытность в данном случае лучшая политика: начну болтать, что происходило во время моего ученичества, так пойдут слухи, что я сошел с ума.

На самом деле, если взглянуть со стороны, я стал намного более уравновешенным и спокойным, чем ранее. Исчезли мешавшие жить проблемы и комплексы, которых я до той поры просто не замечал, сгинула внутренняя неуверенность в себе, компенсированная внешней самоуверенностью.

Немного поразмыслив, я решил переночевать в Тхам Пу и только утром двинуться назад: бутылка воды у меня есть, дорогу к источнику я помню, а без еды как-нибудь обойдусь.

Первым делом вымел пол в своей хижине и вытряхнул подстилку, изгоняя наползших из джунглей насекомых. Отыскав в сарае инструменты, слегка подправил стены, а затем остаток вечера потратил на одну из практик, освоенных больше года назад, – «это не я, это не мое».

Но помогла она слабо, спать я отправился, чувствуя печаль и разочарование, и поднялся не в лучшем настроении.

Но выбравшись из хижины, я обнаружил, что под навесом столовой кто-то сидит. Поначалу решил, что мне показалось, протер глаза, даже потряс головой, но фигура в монашеской антаравасаке никуда не делась.

Ее обладатель поманил меня и дружески улыбнулся.

– Брат Пон? – пролепетал я, будучи не в силах поверить своему счастью.

Он совсем не изменился – круглое гладкое лицо, пронзительные черные глаза, крепкая фигура. Разве что сбрил гриву косичек, ранее украшавшую его голову, и теперь с голым блестящим черепом куда больше, чем раньше, напоминал

обычного служителя Будды.

– А ты думал – кто? Сам демон Мара? – ехидно осведомился монах. – И не мечтай! Он лично является искушать лишь тех, кто достиг преддверия свободы, а тебе до просветления – как пешком до Антарктиды.

– Брат Пон, – повторил я и ущипнул себя за руку, дабы убедиться, что это не сон. – Но как же так, я приехал вчера, а вас тут нет… пусто… – слова полились из меня потоком.

– Тихо-тихо! – он поднял руку и нахмурился с преувеличенной строгостью. – Сколько эмоций? Немедленно прекрати! Если бы я не знал, кто был твоим наставником, я бы решил, что он зря ел свой рис!

Я покраснел и принялся считать вдохи, используя «внимание дыхания».

На то, чтобы осознать случившееся, мне понадобилось минут пятнадцать.

Только когда эмоции мои погасли и осталась лишь тихая радость, брат Пон жестом разрешил мне сесть рядом, после чего некоторое время разглядывал, задумчиво почесывая подбородок.

– Не так плохо, – вынес он вердикт. – Хотя будь оно плохо, мы бы не столкнулись.

– Вы ждали, что я появлюсь? – спросил я.

– Ну точно, весь этот год просидел вон там на дереве, выглядывая, не едет ли ученик, – в черных глазах появилось так хорошо знакомое мне насмешливое выражение. – Конечно, нет.

– А я вот ожидал увидеть вас здесь. Почему вы оставили Тхам Пу?

Вопрос мой брат Пон проигнорировал.

– Ожидания и надежды – такая штука, которая причиняет нам массу неприятностей, – сказал он. – Вспомни-ка, сколько раз ты рассчитывал, что события пойдут определенным образом, этого не случалось, и что тогда? Печаль, злость, разочарование, гнев и прочие аффекты, загрязняющие сознание и создающие не самую хорошую карму.

– Много, – я пожал плечами.

Вспомнить хотя бы тот день в школе, когда Васька-сосед не позвал меня на день рождения… рёву было… Или когда я ухаживал за Надей, уже в универе, и заготовил для свидания все, на что хватило денег у бедного студента, избавился от соседа по общаге, а она в этот день уехала встречать мать… Да, тогда я с горя напился.

Да и потом – чуть ли не каждый день.

– Так что если ты хочешь учиться дальше, ты должен от ожиданий избавиться, – голос монаха стал настойчивым. – Не пестовать в себе представлений о будущем. Отложить в сторону надежды, вообще забыть это слово.

Английским языком брат Пон, в отличие от многих тайцев, владел безупречно, хотя откуда, я не знал, – на вопросы о своем прошлом он чаще всего не отвечал, а когда рассказывал о себе, то говорил не о том, что меня интересовало.

– Я понял, – пробормотал я, виновато уставившись в землю.

– Это я вижу, – продолжил монах. – Как и то, что ты кое-что практиковал это время.

Жизнь моя в Паттайе пошла точно таким образом, как он и предсказывал, – мало кто заметил, что я изменился, но прежняя рутина вцепилась в меня с силой объевшегося допинга осьминога. Понятно, что я не смог в городской суете медитировать и заниматься собой так же, как в лесной тиши, но я ни на один день не забыл, чему меня научили здесь.

Я помнил хорошо, каким приехал сюда в тот раз – с больным желудком, по уши наполненный проблемами, кипящий от обиды и возмущения.

И видел, каков я сейчас – здоров, спокоен и готов ко всему.

Да, мне пока не удалось наладить личную жизнь, но я не особенно переживал по этому поводу. Если ранее, не видя рядом женщины, я начинал страдать от мужской неполноценности, то теперь это меня вообще не волновало.

Я прекрасно знал, что все произойдет в свой срок, как надо.

– А это значит, что можно начать второй семестр, – сказал брат Пон.

Я заулыбался, ожидая, что сейчас он велит мне отправиться к источнику за водой… Затем мы приведем Тхам Пу в порядок, и все пойдет так же, как раньше, и даже лучше, интереснее.

– Сиди тут, – и монах поднялся, легко, одним движением.

Он был старше меня лет на пятнадцать, не меньше, но его выносливостью и проворством я мог только восхищаться.

Брат Пон отправился к своей хижине, а когда вернулся, то принес небольшой сверток бурой ткани – антаравасака, монашеское одеяние, то самое, которое я носил во время обучения.

– Переодевайся, – прозвучало это как приказ. – Всякие шмотки складывай в рюкзак. Потом отдашь его мне.

Я повиновался.

В первый момент в антаравасаке и сандалиях я почувствовал себя неуютно, но неловкость тут же прошла. Удовлетворенно цокнув языком, брат Пон уволок мой рюкзак куда-то за главное святилище, а когда вернулся, то в руках у него обнаружилась громадная древняя бритва со ржавчиной на лезвии.

– Сейчас обреем тебя, – заявил он, – и отправимся в путь.

– К-какой путь? – спросил я, ощущая, что холодок побежал у меня по спине.

– Долгий и насыщенный, – отозвался монах. – Не дергайся, а то порежу.

Все то время, что он сбривал волосы с моей головы, я просидел в мучительном нетерпении. И когда дело оказалось закончено и макушки моей коснулось холодное дуновение, вопросы посыпались из меня, точно переспелые яблоки с дерева:

– Разве мы не останемся в Тхам Пу? Насколько далеко мы уедем? Куда и зачем?

– Опять ожидания, – брат Пон вздохнул и поглядел на меня с легким сожалением.

Я торопливо прикусил язык.

– На все вопросы ты получишь ответы, только не сразу, – продолжил монах. – Рюкзак твой я спрячу в тайник под статуей Будды, так что никто-никто его не найдет. Заберешь, когда вернешься.

Это заявление вызвало у меня настоящий приступ паники – да, в прошлый раз я несколько месяцев обходился без привычных вещей, но тогда они были рядом, я знал, что и паспорт, и мобильник где-то неподалеку, и если что, то я смогу их добыть.

Теперь же придется отправиться неизвестно куда вообще без всего?

– А я вернусь? – выдавил я из себя после внутренней борьбы.

– Это возможно, – брат Пон усмехнулся. – Ладно, не пыхти так сердито, лопнешь. Вспомни лучше о том, что все дано тебе взаймы, что ты должен всегда, в любой момент быть готов расстаться с чем угодно… И вообще, зачем это барахло тому потоку восприятия, которым ты на самом деле являешься?

Через полчаса мы шли прочь, я то и дело оглядывался на постепенно исчезавший за деревьями Тхам Пу.

Надежда на то, что я проведу ближайшие месяцы здесь, рассеялась, точно дым. Впереди замаячила неопределенность, огромная и мрачная, как целое стадо голодных слонов.

– Давай-давай, оставляй прошлое позади, – сказал брат Пон, когда я споткнулся о корень. – Или ты забыл, что существует лишь один момент, которым мы имеем шанс пользоваться, и называется он «настоящее»?

Да нет, я хорошо помнил все, чему неправильный монах учил меня на берегу Меконга, но одно дело – знать некий принцип поведения, и совсем другое – уметь применить его на практике, да не к другим, что всегда легко, а к собственной любимой персоне.

Той самой, которой, кстати, на самом деле не существует.

– То, что происходило здесь год назад, – продолжал брат Пон, пока мы шагали по джунглям, а я пытался отстраниться от заполнявших меня под горлышко чувств вроде разочарования и тревоги, – изменило тебя, позволило тебе вступить на путь к свободе. Только оно больше тебе не нужно.

– Это как?

– А вот смотри – некий человек, убегая от погони, добрался до глубокой реки. Желая избежать смерти, он нарубил деревьев, связал плот и переправился на другой берег. После этого он подумал так: «Да, ведь только благодаря этому плоту я ушел от опасности, и он был мне очень полезен». И решив, что плот всегда может пригодиться, он взгромоздил его себе на плечи и пошел дальше… Понятно все или нужно объяснить?

– Понятно, – проворчал я, ощущая, как настроение мое понемногу улучшается. – Неужели мне больше не придется заниматься тем, что я так любил в Тхам Пу? Метла… Ведра для воды… лопата… грязные простыни…

– То, что ты начал шутить – хороший знак, – брат Пон похлопал меня по плечу. – Переживать не стоит, для тебя найдутся занятия не менее занимательные, хотя и не столь творческие, как визит в банк, например.

И он язвительно захихикал, а я споткнулся второй раз, теперь вообще непонятно обо что.

До города нас подбросил таец на новеньком «Мерседесе», облаченный в дорогой, с иголочки костюм-тройку. Что подобный тип делал в этих краях, я даже представить не мог, но при виде двух людей в монашеских одеждах и с сумками для подаяния он повел себя как надлежит буддисту.

В результате мы прокатились с ветерком и добрались до Нонгкхая за каких-то пятнадцать минут.

– Автобус на Чиангмай, на который у меня есть билеты, будет только в шесть, – сказал брат Пон. – Так что у нас есть время немного прогуляться и попутно заняться кое-чем полезным…

– Чиангмай? – изумился я.

В этом городе, столице Северного Таиланда, я никогда не был, хотя несколько раз собирался.

Накатило желание еще раз спросить, куда и зачем мы едем, но я сдержался. Я прекрасно знал, что монах не ответит, и не просто проигнорирует мой вопрос, а еще и отпустит едкое замечание по поводу любопытства и упрямства отдельных типов, с которыми ему приходится иметь дело.

– Расскажи мне, как и что ты практиковал за этот год и что ты помнишь из моего учения, – велел брат Пон, и мы неспешно двинулись по узким улочкам в сторону Меконга.

Я собрался с мыслями и начал излагать.

Наверняка монах прекрасно видел и осознавал, чего я стою на данный момент, и повествование мое было нужно не столько ему, сколько мне самому, чтобы упорядочить воспоминания и освежить мысли.

Мир как страдание, тяжелые путы, что привязывают нас к нему.

Средство освобождения, не самое простое, но доступное каждому…

Человек как поток восприятия, состоящий из пяти струй – телесные ощущения, эмоции, мысли, события и осознавание.

Три базовых аффекта, что привязывают нас к Сансаре, – невежество, алчность, ненависть.

Двенадцать звеньев цепи взаимозависимого происхождения, от слепца до старика, несущего на спине мертвеца, от невежества до дряхлости и смерти.

Поток дхарм, мгновенных вспышек-образов, внутри «трубы» из которых мы путешествуем по жизни, плывем через время, словно изображение на кинопленке, в каждые два соседних момента вроде бы одинаковое, но изменяющееся с постоянной неизбежностью.

Все это знание помогало мне даже в самые тяжелые моменты – а куда без них!? – смотреть на жизнь немножко под другим углом, воспринимать ее более продуктивным и интересным образом.

– Неплохо, – одобрил брат Пон, и я уже собрался преисполниться гордости, как по ушам ударил визг тормозов.

Меня обдало волной горячего воздуха, и я обнаружил, что стою на проезжей части, в каком-то полуметре от меня замер осевший на нос грузовик, шины которого едва не дымятся. Парнишка за рулем вытаращил глаза так, что стал напоминать героя японского мультика, сжатые на руле пальцы побелели.

Горло мое пересохло, и я с усилием сглотнул; накатила волна холода.

Еще немного, еще чуть-чуть, и меня бы просто размазало…

– Смерть помнит о тебе, – прошептал брат Пон, склонившись к моему уху. – Вспоминай и ты о ней.

Он благосклонно кивнул водителю и, взяв меня за локоть, потащил дальше. Отпустило меня только шагов через двадцать, я сообразил, что весь дрожу, а пот льется со лба и настоящие струйки текут по бокам и спине.

Когда мы пришли на автостанцию, меня еще потряхивало от воспоминаний о той аварии, которой не случилось лишь чудом.

– Ты теперь странствующий монах, – заявил брат Пон, когда мы уселись под навесом. – И вести себя должен соответствующим образом. На женщин не пялиться. Улыбаться и благодарить за то, что тебе дают…

– Но я же не понимаю, что они говорят, и не умею раздавать благословения! – возразил я. – Да и какой я монах, вы же знаете…

– Послушник, – уточнил он. – Все видят, что ты фаранг, и многого от тебя не ждут. Спокойствие и уверенность – вот что нужно.

Да уж, легко сказать!

Откуда спокойствие, если рядом брат Пон, способный во всякий момент отмочить по моему адресу какую угодно шутку?

Где взять уверенность, если я в один миг остался вообще без всего, без денег, телефона и документов, да еще и отправляюсь непонятно куда, неведомо зачем и неизвестно на какой срок?

Подкатил автобус с табличкой «Чиангмай» на лобовом стекле, и мы поднялись с сидений. Водитель встретил нас уважительным ваи, а на протянутые братом Поном билеты даже не взглянул, просто рукой махнул.

Наши места оказались посреди салона, с левой стороны.

– Ну вот, – заявил монах. – Уселись, теперь можно и делом заняться. А ну-ка… Осознавай себя полностью!

– Вы имеете в виду смрити? – с неохотой уточнил я.

Брат Пон говорил о практике «полного осознавания», подразумевающей не только тотальное самонаблюдение – за положением тела в пространстве, сокращением мышц, дыханием, эмоциями, мыслями и событиями, но и классификацию каждого мгновения как приятного, неприятного или нейтрального.

В вате Тхам Пу я выполнял ее не без успеха, но в Паттайе после нескольких попыток забросил.

– Именно, – подтвердил брат Пон.

– Прямо тут? Здесь же люди? – я нервно оглянулся.

Салон заполнился почти наполовину – несколько американских туристов, ржавших так, что стекла дрожали, пара девиц деревенского вида, наверняка собравшихся в большой город на заработки, пожилая пара с кучей сумок, пакетов и даже чемоданов.

– Да? Какие люди? – брат Пон деланно удивился. – Образы людей, созданные твоим сознанием. Просто отодвинь их в сторону, перестань уделять им внимание. Приступай.

Я вздохнул и покорился.

В первый момент я смог осознать лишь то, что ужасно стесняюсь, ощущаю такую неловкость, будто обмочился посреди банкета. Затем дело пошло веселее, я погрузился в процесс и даже начал получать от него удовольствие.

В какой-то момент осознал, что мы едем и что за окнами мелькают пейзажи Нонгкхая.

– Хорошо, достаточно, – сказал брат Пон. – Теперь кое-что новое… растворение в пустоте… Закрой глаза и слушай, что я тебе буду говорить.

Я опустил веки и откинулся на спинку кресла, стараясь не обращать внимания на щебетание девиц, что сидели сразу за нами, и на реплики американцев, оравших на весь автобус.

Водитель выбрал этот момент, чтобы включить кино для пассажиров – телеэкраны, общим числом два, вспыхнули разом, динамики взвыли так, что я едва не подпрыгнул, а на экране появилась заставка «Двадцатый век фокс» и первые кадры «Крепкого орешка» в тайской озвучке.

Брат Пон хихикнул.

– Привыкай. Теперь ты будешь учиться не в покое вата, а вот таким образом… Глаза закрой… Представь себя, можно без одежды, можно в чем угодно…

Бивший в уши волнами звук мешал, я ерзал в кресле и потел, с трудом отстраняясь от раздражения. Для того чтобы сосредоточиться, приходилось прилагать неимоверные усилия.

В какой-то момент я вспомнил, что стараться-то как раз и не надо, что лишнее напряжение лишь признак того, что ты все делаешь неправильно, и попытался расслабиться. Напряжение постепенно ушло, стало легко-легко, и я обнаружил перед собой четкий, ясный образ.

– Отлично, – тут же заявил брат Пон. – А теперь начинай растворять свой облик… Правую ногу для начала… пусть она медленно рассеивается, исчезает в пустоте… затем левая…

Дальше дело дошло до рук, после чего я стал выглядеть лишенным конечностей огрызком.

– Теперь тело… – продолжал шептать брат Пон. – Потом голова… Растворяется… Исчезает… Пустота глотает их, стирает без следа, забирает то, чего и так никогда не существовало… остается только сознание…

Набравший приличный ход автобус качнуло, меня подбросило, и на несколько мгновений возникло ощущение, что я на самом деле лишился тела, превратился в каплю воды или струйку дыма посреди бездны.

– Держись… держись за него… – шептал не пойми откуда настойчивый голос. – Сколько сможешь…

А потом то ли сказалось напряжение сегодняшнего дня, то ли у медитации случился побочный эффект, но я уснул.

Проснувшись, я обнаружил, что автобус несется по трассе, в нем царит темнота, а тишину нарушает лишь доносящееся с разных сторон посапывание и похрапывание. Удивительно, но я прекрасно отдохнул и ощущал себя бодрым и энергичным.

– Доброе утро, – сказал брат Пон, то ли вообще не спавший, то ли пробудившийся от моего движения.

– Уже утро? – спросил я, пытаясь определить, который час.

– Да, скоро взойдет солнце, ну а мы будем на месте.

Минут через пятнадцать стало ясно, что монах прав – рассвет хоть и не за горами, поскольку горы впереди, на горизонте, на севере и западе, но довольно-таки близок. Потом в небесах «включили» утро, и мы подкатили к огромному автовокзалу.

– Пойдем, прогуляемся, – сказал брат Пон, когда мы выбрались из автобуса. – Дадим людям возможность сделать нам подношения… Ты сумку не потерял?

И мы зашагали по городу.

Сандалии, которые я вчера получил вместе с монашеским одеянием, слегка натерли ноги, но я не обращал на это внимания. Старался выглядеть уверенным и спокойным, как и надлежит послушнику, и даже улыбаться так, как это делает Будда: мягко, ободряюще, решительно. Несмотря на ранний час, народу на улицах было полно. Несколько раз нас останавливали, женщины и мужчины опускались на колени перед братом Поном, склоняли головы, и сумки наши понемногу наполнялись. Карабкалось выше и выше солнце, и жара понемногу давала о себе знать.

– Достаточно, – решил монах, когда около «Севен-элевена»[1 - 7-Eleven – японская франчайзинговая компания, крупнейшая международная сеть

супермаркетов (страны Востока, США, Австралия, Мексика, Канада и т. д.). – Примеч. ред.] нам выдали по бутылке молока.

Мы прошли мимо установленного на берегу канала королевского портрета, миновали ворота в откровенно декоративной крепостной стене и устроились в ее тени на густой траве.

– Ну вот, теперь до вечера с голода не помрем, – сказал брат Пон, когда с трапезой оказалось покончено.

Похоже, что теперь я буду питаться несколько лучше, чем во время обучения в Тхам Пу – там меня кормили почти сплошь рисом с овощами, странствующему же монаху положено есть, что дают, и не отказываться даже от мяса.

– Помнишь, мы говорили о восьми сознаниях, которыми обладает каждый из нас? – спросил монах.

– Конечно, – отозвался я. – Зрительное, слуховое, обонятельное, вкусовое, осязательное… Потом ментальное, что просто регистрирует образы внутреннего мира, а еще ум, комбинирующий их с впечатлениями, приходящими снаружи… и восьмое, сокровищница.

– Именно так, – брат Пон удовлетворенно кивнул. – На санскрите «алая-виджняна». Именно она некоторым образом переходит из жизни в жизнь, определяя единство того потока, которым мы являемся.

– Так это тогда и есть душа?

– Нет, души не существует.

– А в чем отличие? – я нахмурился.

– Душа – это некая субстанция, нечто вечное, устойчивое, а сознание-сокровищница – набор состояний, каждый миг трансформирующийся, текучий, тот самый, грубым отражением коего являются остальные потоки – и мысли, и события, и эмоции, и даже телесные ощущения.

– Но если это сознание постоянно изменяется, то что тогда переходит из одного существования в другое?

– Некая энергия, потенциал, способ восприятия и порождения образов, – брат Пон наслаждался моим замешательством. – Вот смотри, если ты зажег одну свечу от другой, то разве пламя первой не воплотилось в огне второй?

– Ну, как бы да…

– Или еще, если наставник обучил тебя некоторому стихотворению, то что, это стихотворение не перешло к тебе от него? Ведь когда ты читаешь его, то это можно назвать новым воплощением тех же самых рифмованных строк, хотя они произносятся другим голосом и в другом месте перед иными слушателями.

– Ну да, перешло… – на миг показалось, что я уловил концепцию, понял, о чем толкует монах, но мысль задержалась в сознании всего на мгновение и тут же исчезла, как блеснувшая в водопаде рыбка.

– Не переживай, – брат Пон ободряюще улыбнулся. – Все, что можно выразить словами, не является истиной, а сама истина постижима лишь с помощью интуитивной мудрости. Когда придет время, ты постигнешь все до исходной глубины, сейчас же нас больше интересует практика.

Я подобрался.

– Тебе достаточно знать, что одна из целей обучения – перенести фокус внимания с седьмого сознания, ума, ответственного за формирование концепции личности, на восьмое, сокровищницу.

– И как это сделать?

– Медленно и без давления, – брат Пон потер ладони друг о друга. – Для начала… Необходимо научиться прислушиваться к тому тихому, почти неразличимому голосу, что принадлежит сознанию-сокровищнице и обычно находится далеко за пределами восприятия. А для этого ты должен постигнуть столь сложную для западного человека науку молчания.

Я удивленно заморгал.

– Да, с этого момента ты будешь изображать немого и использовать слова только после моего разрешения.

Сердце мое упало.

– Но как же я… Это что! Почему?.. Не получится… – от возмущения слова толпой полезли на язык, толкаясь и мешая друг другу. – Нельзя ли без этого обойтись? Глупости! Как же учиться тогда?

Монах выждал, пока запал мой пройдет, и только затем ответил:

– На те вопросы, ответ на которые тебе и в самом деле будет необходим, я отвечу без напоминания, шевелить же языком воздух по поводу того, что ты верно назвал «глупостями», смысла нет. А теперь все, гневайся про себя, поскольку для тебя настало время читать сутру молчания.

Я открыл рот, чтобы продолжить спор, но вовремя одумался.

Внутри стен, что отделяли старый город Чиангмая от более современной части, располагался настоящий лабиринт узких, до ужаса похожих друг на друга переулков, где сломал бы ногу даже черт, окажись он фарангом.

Куда и зачем мы идем, я не знал и спросить не мог, поскольку брат Пон велел мне молчать. Это распоряжение по-прежнему казалось мне бессмысленной прихотью – ну и что с того, что я не работаю языком, ведь мысли мои никуда не делись, а они звучат иногда ой как громко!

Время от времени внутри лопались пузыри вялого раздражения.

– Тебе придется тяжело, – монах заговорил неожиданно, даже не повернув головы в мою сторону. – Ты не осознаешь, насколько жизнь обычного человека завязана на болтовне, на том, чтобы рассказывать всем вокруг о себе, о том, что с тобой происходит, чем ты являешься. Это одна из крепчайших опор той иллюзии, что известна под именем Личности и стремится поддержать свое

существование всеми известными ей способами.

Эта мысль меня, честно говоря, мало обрадовала.

– Говорят, – продолжил брат Пон, не обратив внимания на мое угрюмое сопение, – что Будда не произнес ни слова между ночью Просветления и ночью ухода в нирвану. Сознание его, подобное ясному зеркалу, отражало проблемы, с которыми приходили к нему люди, и давало им безмолвный ответ, который всякий и понимал в меру разумения. Ага, вот мы пришли.

Мы свернули в очередной раз, и я замер, позабыв ухватить отвисшую челюсть.

На миг показалось, что я перенесся на другой континент, в Мексику, и что передо мной – святилище майя или ацтеков, храм, на вершине коего регулярно приносят в жертву людей и кровь течет потоками.

К блеклым небесам возносилась настоящая гора, обгрызенная временем, потрепанная бурями, но жуткая и величественная: серо-розовые стены пирамиды поднимались не на один десяток метров, а дальше, над широким карнизом вздымались вертикально к полуразрушенной вершине.

– Ступа Чеди Луанг, – сказал брат Пон.

Когда мы подошли ближе, я разглядел, что на карнизе, находившемся примерно на половине высоты, расположились каменные слоны, к вершине тянутся четыре широкие лестницы, охраняемые змеями-нагами, а в сумраке ниши на верхушке прячется золоченое изваяние Будды.

Вокруг бродили туристы с фотоаппаратами, у основания одной из лестниц покачивались висящие на железной раме колокола.

– Древние, построившие Чеди Луанг, создали не просто напоминание о Дхарме, – голос брата Пона стал торжественным. – Это мощное устройство, которое может помочь тому, кто ищет просветления, бодхи, да не одним способом.

Вопросы закипели внутри меня, точно забытый на огне суп, я даже ощутил физическое давление на череп изнутри и вынужден был буквально прикусить

язык, чтобы не сорваться.

– Ступу можно назвать средоточием молчания, поскольку ум того, кто правильно созерцает Чеди Луанг, прекращает вечную болтовню. Годится термин «уничтожитель привязанностей», поскольку энергия, заключенная в ступе, подавляет силу влечений, свойственных любому обитателю чувственного мира, – к объектам, к процессу существования, к ложным воззрениям, к собственному «я». Тех влечений, что порождают бесстыдство, наглость, зависть, скупость, возбужденность, отчаяние, уныние и вялость… Справился ли ты с ними?

Голос брата Пона стал тише, словно его хозяин отошел куда-то в сторону, хотя я по-прежнему мог видеть монаха краем глаза. Затем рукотворная гора, украшенная каменными слонами, расплылась у меня перед глазами, превратилась в серо-розовое облако, внутри которого угадывались острые грани и выщерблины в кирпичных стенах.

Я глядел вроде на то же сооружение, но одновременно и на нечто совсем иное – слов, чтобы описать представший моим глазам объект, у меня не хватало, но я мог видеть движение, некую пульсацию и одновременно различить полное отсутствие всего, даже формы!

– Стоп, не увлекайся, – брат Пон взял меня за руку, слегка встряхнул, а затем повернул так, чтобы я глядел в сторону от Чеди Луанг.

Я моргнул, и наваждение исчезло.

– Очень хорошо, что ты это рассмотрел, – сказал монах. – Внутри ступы – Пустота. Конечно, она внутри всего, но именно тут ее проще всего увидеть и даже понять ее природу, не целиком, на что способны лишь величайшие, но хотя бы краешек…

Желание спросить жгло не хуже раскаленного железа, но я держался, только нервозно сжимал кулаки. Брат Пон, судя по хитрой усмешке, осознавал мое состояние, но не собирался облегчать мне жизнь.

– Для начала ты должен усвоить ту мысль, что Пустота, Шуньята, есть Татхата, Таковость, неотъемлемое свойство реальности, всего, что нас окружает. Что на самом деле все, начиная с Чеди Луанг и заканчивая твоим зудящим языком, не

существует и возникает лишь благодаря твоему сознанию.

Я нахмурился, пытаясь осмыслить концепцию, вспомнить то, что брат Пон ранее говорил мне о Пустоте.

Но мысли отказывались выстраиваться в нужном порядке, им словно не хватало силы. Ощущение возникало такое, что я пытаюсь собрать мозаику из клочков бумаги, что разбросаны по поверхности воды и расплываются в стороны, да еще и не желают держаться вместе.

– Не старайся, не напрягайся, – брат Пон говорил мягко и продолжал держать меня за руку. – Находиться рядом с Чеди Луанг для того, кто так пластичен и уязвим, как ты сейчас, с одной стороны, очень полезно, а с другой – невероятно опасно. Слушай меня. Сознание отражает Пустоту и творит из нее, давая имена вещам и явлениям, именно оно решает, что молоко у нас белое, кровь алая, а листья зеленые, хотя во всех этих случаях мы имеем дело лишь с определенной длиной световой волны…

Я испытал вялое удивление по поводу того, что монах знаком с подобными терминами.

Хотя он уже не раз ставил меня в тупик своими познаниями.

– Поэтому, изменяя свое сознание, ты способен трансформировать все, что угодно, – брат Пон сделал короткую паузу. – Избавить себя от нечистого, приблизить к благому. Исключить недолжное, порождающее тревогу и страх, выстроить приносящее радость. Только для этого нужна точка опоры, и ей может стать лишь основа твоего бытия… сознание-сокровищница.

В этот момент я перестал сражаться за понимание, словно отпустил некий скользкий и тяжелый груз, который до сего момента изо всех сил старался удержать в руках.

– А теперь созерцай ее, – монах развернул меня обратно, лицом к Чеди Луанг. – Просто, безмолвно, не надеясь, что это что-то изменит, не воспринимая это как упражнение.

Наступил мгновенный провал, а затем я осознал, что сижу на одной из лавочек, расставленных вокруг ступы, и гляжу на нее: на уши каменных слонов, что слегка шевелятся на ветру, на склоны пирамиды, словно облитые сгущенкой цвета закатного сияния, на неровные ступени.

И все это пульсировало, точно сердце, наполненное светом, добром, радостью… и одновременно пустое.

Сколько мы просидели у Чеди Луанг, я не мог сказать, но наверняка несколько часов. Но когда мы ушли от нее, желание задавать вопросы и вообще говорить у меня пропало начисто, от мыслей, что обычно грохочут, точно автострада, остался мягко шепчущий ручеек.

Меня совершенно не волновало, куда меня ведет брат Пон, и я забыл все тревоги насчет нашего путешествия.

Мы некоторое время шли по улицам Чиангмая на запад, словно пытаясь догнать опускающееся к горам солнце. Пару раз нас предлагали подвезти, но монах всякий раз отказывался, и мы продолжали шлепать сандалиями по тротуару.

– Ват Суан Док, – объявил брат Пон, когда мы прошли через ворота в декоративной ограде. – Здесь у нас кладбище, где покоятся короли древней Ланны, и ради него сюда ходят туристы. Ну а для нас с тобой тут найдется место для ночлега.

Чуть в стороне остался настоящий город из небольших белоснежных ступ, наверняка поставленных над монаршими могилами. А у входа в главное святилище нас встретил коренастый пожилой монах в очках, и на лице его обнаружилась радостная улыбка.

Издав довольный возглас, он сделал ваи перед братом Поном, а затем слегка кивнул мне.

В ответ я поклонился так, как надлежит младшему монаху перед старшим.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

7-Eleven – японская франчайзинговая компания, крупнейшая международная сеть супермаркетов (страны Востока, США, Австралия, Мексика, Канада и т. д.). – Примеч. ред.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gor_oleg/prosvetlennye-ne-berut-kreditov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить